

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

30 ЛЕТ БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДЫШКИ

“Наш современник” на Писемского

Ровно тридцать лет назад я впервые открыл обычную квартирную дверь, обитую чёрным дерматином, в старом жилом доме на улице Писемского, где располагалась тогда редакция “Нашего современника”. И оказался в особом мире, в котором живу до сих пор.

Первым моим собеседником, а затем и начальником был Юрий Иванович Селезнёв, заместитель главного редактора. Он взял меня на работу по рекомендации своего старого друга Вадима Валериановича Кожинова.

Редко мне доводилось встречать человека, столь же красивого как внешне, так и внутренне. Селезнёв был красив строгой мужской – и я бы сказал именно русской – красотой. Гордая посадка головы, правильные черты лица, грива кудрей, тронутых ранней сединой, и глаза – удивительно ясные, чуть прикрытые, как от яркого степного солнца (Юрий Иванович был родом с Кубани). Настоящий витязь в дозоре.

Он и был русским витязем – по характеру и по сути своего творчества. Дозорным, стоящим на страже России. Те, кто читал его книги, прежде всего замечательное жизнеописание Федора Достоевского, изданное незадолго до ранней кончины Юрия Ивановича, наверняка согласятся с таким определением.

Представился главному редактору – Сергею Васильевичу Викулову. Признаюсь, на первых порах я его побаивался. Не только я – маститые авторы трепетали, входя в его кабинет. Офицер Великой Отечественной, зенитчик, закаливший характер в артиллерийских дуэлях с вражескими штурмовиками (“Они пикировали прямо на орудие – видны были глаза лётчика, – кто отвернётся в последний момент, тот погиб”, – говаривал Сергей Васильевич), он и в мирной жизни сохранил военную выправку и суровость.

Ровно в 12 часов – начало рабочего дня в журнале – чёрная редакторская “Волга” останавливалась у подъезда. Подтянутый, сосредоточенный, он про-

КАЗИНЦЕВ Александр Иванович родился 4 октября 1953 года в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова и аспирантуру при МГУ. С 1981 года работает в журнале “Наш современник”. Автор книг “Лицом к истории”, “Новые политические мифы”, “Россия над бездной. Дневник современника. 1991–1996”, “В поисках России”, “На что мы променяли СССР? Симулякр, или Стекольное царство”, «Возвращение масс. Дневник современника». Секретарь Правления Союза писателей России. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Лауреат премий “Умное сердце” имени А. Платонова, имени братьев Киреевских, “Югра”, “Прохоровское поле”. Живёт в Москве.

ходил в кабинет и начинал придирчиво вычитывать сданные в набор материалы. Работа продолжалась до 6 вечера. В вышедшем номере не было ни одной фразы, ни одной запятой, которая бы прошла мимо главного редактора.

В пору разрешённой гласности авторы, отвергнутые Викуловым, обвиняли его в недостатке смелости. Особенно усердствовал Борис Можаяев, талантливый, но не первостепенный прозаик. Викулов, действительно, не напечатал его роман “Мужики и бабы”. Рисковать ради этого сочинения он не счёл нужным. Но когда Сергей Васильевич видел произведения первоклассные, такие, как “Живи и помни” В. Распутина, “Царь-рыба” В. Астафьева, “Увятские шлемоносцы” Е. Носова, он с истинно фронтовой решимостью брался за преодоление цензурных препятствий.

Когда Главгур категорически отказался дать добро на публикацию “повести о дезертире”, как генерал Епишев охарактеризовал “Живи и помни”, Викулов добился приёма в ЦК и заявил, что ручается партбилетом за производство Распутина. В те годы рискнуть партбилетом означало примерно то же, что и головой.

Сергей Васильевич не был интеллектуалом. И художественный вкус ему частенько изменял – особенно в поэзии. Но Викулову не было равных в ощущении русской боли! “Калину красную” В. Шукшина, повести В. Распутина, “Это мы, Господи!” К. Воробьёва он печатал немедленно, не страшась ни сопротивления цензуры, ни кар Агитпропа. А они были нештучными: “Наш современник” – единственный толстый литературный журнал, чью редколлегию дважды – в течение двух лет – “укрепляли” по распоряжению ЦК, а точнее, подвергали безжалостной чистке. Но именно правдивое слово об устремлениях и бедах русского человека сделало журнал лидером.

Среди других сотрудников того времени помню размашисто талантливого самолюбивого поэта Валентина Устинова, другого заместителя главного, язвительного ответсека Владимира Васильева, тащившего на себе всю тяжесть мелочной, но необходимой технической работы. Колоритной внешностью и драматической судьбой выделялся Борис Споров, заведующий отделом прозы. Полной противоположностью мятежного, прошедшего лагеря, Спорова был его помощник Владимир Грачев – тишайший, удивительно тактичный человек, не лишённый, однако, добродушной русской насмешливости. Деликатностью, граничившей с пугливостью, запомнилась Ольга Авдеева, заведующая отделом критики, провинциалка, так и не прижившаяся в Москве.

И, конечно, особого слова заслуживает бессменная заведующая редакцией Наталья Сергеевна Соколова, которая уже в те годы сумела внести в бурную, пронизанную грозowymi разрядами жизнь разноликого коллектива начало устойчивости и надёжности. Сегодня только мы с ней в журнале помним о той поре на улице Писемского.

Поре поистине золотой! Какие писатели собирались на ежегодную редколлегию! Из списочного состава только Юрий Бондарев, важный литературный начальник, фактический руководитель Союза писателей России, позволял себе манкировать общим сбором. Менее титулованные – но не менее талантливые! – авторы собирались со всей России.

Непревзойдённые рассказчики, записные балагуры Виктор Астафьев и Евгений Носов садились у разных концов огромного стола и начинали азартно “катать” через всю комнату рыбацкие, охотничьи и просто житейские истории, щедро приправленные солёным, не для дамских ушей, юмором. Время от времени, солидно окая, вмешивался в разговор Владимир Солоухин. “Молодые” Валентин Распутин (всего-то едва за сорок) и Василий Белов сидели скромно, почти не подавая реплик. А у середины стола занимал место сухонький седой Гавриил Николаевич Троепольский, старший по возрасту среди собравшихся. Перед ним громоздилась стопка из конца в конец прочитанных журналов с многочисленными закладками, отмечавшими провалы и удачные произведения. Троепольский нетерпеливо постукивал по сукну тонко отточенным карандашом и по-стариковски неодобрительно поглядывал на разошедшихся рассказчиков.

Спустя несколько лет славная когорта распадётся. Выйдет из редколлегии, обидевшись на публикацию “грузинских” рассказов Астафьева, Гавриил Троепольский. В перестройку, громко хлопнув дверью, уйдёт и сам Виктор Петрович. Вернётся. И снова уйдёт – навсегда. Станет любимцем Ельцина. Получит в качестве награды 15-томное собрание сочинений. Но так и

не дождётся Нобелевской премии, которую, говорят, сулили ему либералы.

Последний раз я встретился с Виктором Петровичем в конце девяностых в Питере. Публичная библиотека пригласила меня участвовать в писательской конференции. Председательствовал Астафьев. Во вступительном слове он обрушился на патриотов, которые “ругают перемены”. “А посмотрите, — вдохновился писатель, — как богато стал жить народ!” Астафьев вспоминал о посещении кладбища под Красноярском на Пасху: “Подъехать нельзя, всюду машины стоят!”

Я выступал следом. “Что значит писательский талант, — поклонился в сторону Астафьева. — Как точно отбирает детали. Захотел Виктор Петрович воспеть “новую жизнь” и ничего, кроме кладбища, похвалить не смог”. И дальше уже “на нерве”: “Я видел кладбища, когда ехал в Питер. Неприбранные, с крестами, сваренными из обрезков арматуры, они поражают своими размерами. Новые могилы вываливаются за ограду, тянутся к железнодорожному полотну, тонут в придорожных болотцах. Места не хватает — столько умирает людей! Это плата за “счастливую жизнь” при Ельцине”.

Астафьев ответил не сразу. Сидел, насупившись, тяжёлый, будто вырубленный из дубовой колоды, похожий на языческого идола. Затем взял слово и говорил, наверное, с полчаса, всё больше распаяясь, накручивая себя и слушателей. Наконец, срываясь на визг, выкрикнул: “И сдохнете! Сдохнете вместе с вашим Куняевым раньше меня!”

...Ушел из редколлегии Носов. Он долго не мог выбрать, чью сторону взять — Астафьева или Белова с Распутиным. Они были закадычными друзьями.

Василий Иванович и Валентин Григорьевич остались с “Нашим современником”. Так же, как Владимир Алексеевич Солоухин и Юрий Васильевич Бондарев.

Белов забегал в редакцию в перерывах между заседаниями Съезда народных депутатов. Побелев от негодования, рассказывал, как глумятся над страной её избранники. Чувствовалось, что ему необходимо выговориться перед с о и м и, согреться душой, отойти от кошмара, творившегося в Кремле. Но и на трибуне Съезда Белов не давал спуска русофобам. Его выступления — одни из самых принципиальных и ярких.

Я вспоминаю о расколе с печалью, но без фарисейской уклончивости. Не боюсь, что называется, выносить сор из избы. Кстати, полностью пословица звучит так: “Не выноси сор из избы под забор к соседу”. Народ вкладывал в неё другой смысл: не надо пакостить ближнему. Да и странно было бы советовать оставлять сор в избе — этак и в грязи потонуть недолго!

Но дело не в пословице. Противоречия в авторском ядре “Нашего современника” представляются мне закономерными и поучительными. Журнал никогда не был органом узкой литературной группировки, секты. Он предоставлял — и сегодня щедро предоставляет — свои страницы наиболее талантливым русским писателям и мыслителям. Было бы верхом наивности ждать от них единомыслия: каждый — индивидуальность, у всякого свой взгляд на судьбу страны.

Драматические разрывы не избежали и легендарные предшественники журнала — “Современник” Н. Некрасова и “Современник” А. Пушкина. От Некрасова в начале 60-х ушла половина авторов! И каких — Тургенев, Дружинин, Анненков.

Да и Александру Сергеевичу пришлось поправлять не в меру радикального Гоголя, опубликовавшего в его отсутствие статью “О движении журнальной литературы”. Пушкин тактично, но твёрдо отмежевался от высказываний автора, которого высоко ценил: “Статья “О движении журнальной литературы” напечатана в моем журнале, но из сего ещё не следует, чтобы все мнения, выраженные с такой юношеской живостью и прямотошеством, были совершенно сходны с моими собственными” (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в десяти томах. Т. VII, М.—Л., 1949).

Иных читателей полемика между своими раздражает. “Для начала разберитесь промежду собой”, — требуют они. Советчики не учитывают того, что споры больших писателей отличаются от кухонных дразг. Это столкновение разных художественных и политических программ, концепций развития России. Объяснения такого рода не могут не быть публичными; каждый пытается привлечь на свою сторону максимальное количество людей.

Бурные споры вокруг направления журнала, на мой взгляд, подчёркивают в ы в е р е н н о с т ь его редакционной линии. Спорили до хрипоты, но в конце концов выбрали самое **здоровое**, самое **лучшее**. Эта линия и сегодня

основывается на моральном авторитете и писательском таланте Валентина Распутина, Василия Белова и, конечно же, Станислава Куняева, которому Викулов передал руководство журналом в 1989 году.

“Стараюсь не следить...”

30 лет работы в журнале. Из них 23 года – заместителем главного. И ещё юбилей: 20 лет (с января 1991-го) я веду авторскую рубрику “Дневник современника”. 148 публикаций на самые острые, опасные темы.

Всякое бывало. И голову горячие дети гор грозились отрезать. И к суду по обвинению в клевете привлекали аж из самого Израиля.

30 лет беспорочной службы. Во время оно служаке с таким стажем начальство вешало на шею медаль размером с чайное блюдце, а коллеги закатывали торжественный обед по подписке – с речами и поднесением адреса.

Теперь – не то. Сам не скажешь – никто не вспомнит. А вспомнят – так, чего доброго, спросят: как это ты, господин хороший, столько лет при разных редакторах и разных режимах в одном кресле усидел?

Сгущаю краски? Возможно. Я благодарен моим товарищам по журналу за помощь в издании книги “Возвращение масс”. Она вышла как раз к юбилею.

Но и к острым вопросам, к отчёту готов. Кстати, и эту книгу, и пять предыдущих, в которых собраны мои статьи, публиковавшиеся в “Современнике”, можно рассматривать как “отчёт о проделанной работе”. Так же, как и том “Очерка и публицистики” пятитомной антологии “Нашего современника”. Я озаглавил его “В борьбе за Россию”. Здесь собраны лучшие работы, напечатанные в журнале за последние 20 лет: “Великая криминальная революция” Ст. Говорухина, “Есть ли будущее у России?” академика Н. Моисеева, “Как иголкой убить слона?” А. Зиновьева, “Шестая монархия” академика И. Шафаревича, “Народ без элиты: между отчаянием и надеждой” А. Панарина, “Цивилизационный слом” С. Кара-Мурзы.

Все прошли через мои руки. Конечно, редактируя их, я редко брал красный карандаш. Но ведь в том и мастерство редактора, чтобы в одних случаях усердно работать не только карандашом, но и ножницами, а в других, не тронув и запятой, нести материал в набор...

...А медаль мне всё-таки выдали. Накануне юбилея попал в наградной список Постоянного комитета Союзного государства.

Горько и смешно: 30 лет служил России, а награждён от имени некой виртуальной структуры. Которая сегодня, после безумных нападков Москвы на своего союзника в Минске, близка к самоликвидации.

Но девиз на абрисе греет сердце: “За безупречную службу”.

Боюсь, однако, далеко не все согласятся с такой формулировкой. Не только государство – общество равнодушно, а то и раздражённо отворачивается от тех, кто десятилетиями сохранял верность патриотическому движению. Поверьте, я печалюсь не только о себе. Но и о себе тоже.

Люди позабыли о борьбе тех, кто в 91-м пытался сохранить державу, с теми, кто её активно разрушал. Они отвернулись от политики как таковой: “Надоело! Не грузите!”

Красноречиво заявление популярного актёра Олега Меньшикова. Отвечая на вопрос корреспондента “МК”, в курсе ли он происходящего в России, киношник бросил: “Я стараюсь не следить за тем, что происходит в политике, в нашем социуме” (“МК”, 08.11.2010).

Ну как достучаться до людей, которые не просто не интересуются тем, как живет страна, но из во всех сил стараются не замечать, не видеть, не слышать?!

А ведь Меньшиков – человек публичный. Он общается с сильными мира сего, а потому волей-неволей вынужден быть в курсе событий. Основная часть общества и этой минимальной толикой знаний не отягощена.

Но столь же старательно оберегает себя от любой политической и социальной информации. О том, как работает блок и ро в ка, свидетельствует любопытный факт: последнее президентское послание Д. Медведева уступило в телевизионном рейтинге популярному шоу “Суд присяжных” (“Коммерсантъ”, 03.12.2010).

Я и сам не любитель официальных речей. Но президентское послание (удачно оно или нет) намечает ориентиры нашего развития. Так вот, телезрители предпочли следить за вымышленными историями, а не за планами преобразований, которые неизбежно скажутся на судьбе каждого из них.

И всё-таки человек – “существо общественное”. Поставив заслон политической информации, он испытывает дискомфорт, нечто напоминающее муки совести.

Как успокоить совесть? Самый простой способ – обвинить, очернить тех, кто от политической борьбы не уклонился. Благо, власти вовремя подсунили обывателю словечко маргиналы. Общественное мнение с удовольствием припечатало им всех, кто не потерял интереса к судьбе страны, не утратил совесть и стыд.

– А, эти? Так они же маргиналы, – говорит себе (и окружающим) обыватель, когда совесть начинает “царапаться”.

Патриоты – маргиналы вдвойне. Они не просто “интересуются политикой”. Их заботит нынешнее состояние России. Они стараются помочь своей стране.

– Нелепая затея, – подсказывают СМИ. И обыватель с облегчением соглашается. Ещё бы! Если тревога за Родину смешна, то нечего и “дёргаться”. Не нужно слезать с дивана или выпихивать себя из кресла у телевизора.

“Маргиналы”. Казалось бы, всего-то слово, а действует безотказно. Не потому, что в нём заключена некая сила, а потому, что избавляет от необходимости думать и что-либо предпринимать. Обозвали человека – и вокруг как стена выросла. Говори, кричи – бесполезно.

Случается, убийственным словом пуляют в спину те, от кого совсем не такого ждёшь. Открываю газету “Завтра” и читаю: “В конце 1980-х годов только два маргинальных движения... позволяли себе спокойно оперировать термином “империя” (“Завтра”, № 45, 2010). Тут же “маргиналы” поименованы: “Национал-большевики” и “Русская партия”.

Кто же это так лихо их заклеил? Модест Колеров. Тот ещё патриот – в 90-е был советником коммерческих банков и питерского губернатора В. Яковлева. В середине нулевых возглавлял управление по связям с соотечественниками администрации президента.

И такому-то деятелю сотрудники “Завтра” выдали своих единомышленников, как говаривали в старину, с головой. Причина? Колеров в свойственной высокопоставленным болтунам манере снисходительно порассуждал об империи. И прохановские “имперцы” в благодарности предоставили ему целую полосу, не смущаясь тем, что он шельмует “Русскую партию” и требует “дать адекватный, жёсткий, неприятный (?) ответ на русский этнический национализм” (там же).

Для дискредитации используют и другой жупел, слово-убийцу: экстремист. Тут и вовсе дело – швах: могут не только из информационного поля выкинуть, но и в тюрьму засадить.

Сегодня в России и с системной оппозицией не церемонятся: кто не в стае – тот враг! Не так давно информантства сообщали, что мэр Саратова преподнёс главе местного отделения “Единой России” прелюбопытный подарок – осиновый кол, серебряную пулю и связку чеснока. Набор предназначен для “работы” с оппозицией: “Чеснок “хорошо отпугивает коммунистов...”, осиновый кол следует использовать для “эсеров недобитых”, а серебряная пуля предназначается для Владимира Жириновского (<http://lenta.ru/news/2010/12/03/present>).

Такая “шутка”. С оппозицией внесистемной, к коей причислены русские патриоты, не шутят. Объявленный “экстремистом” сподвижник приснопамятного митрополита Иоанна Константин Душенов получил реальный срок: три года колонии-поселения.

И никто не вступился! Если бы власти объявили, что блестящий православный публицист упрятан за решётку за свои убеждения, как бы всколыхнулась многотысячная интернетовская братия! Но Душенов – “экстремист”. Поделом ему...

Так нацию наглухо отгораживают от национальной контрэлиты. Единственной силы, способной сформулировать национальную идею, встать на защиту растерявшихся, изверившихся в правде и праве лю-

дей. А без интеллектуального авангарда с разномастной массой можно делать всё что угодно.

Существуют и более коварные приемы. Запретный плод сладок, глядишь, смельчаки потянутся к нему и через возведённые преграды. Значит, надо убедить людей, что контрэлита вовсе не авангард, это предатели национальной идеи. Такие же, как шоумены и прочие штатные властители дум, которые после двадцатилетнего мельтешения на телеэкране успели изрядно поднадоесть публике.

– Вы думаете, что те, кто лишён эфира, кого стёрли не только из записных книжек телепродюсеров – из памяти общества, лучше? Ничуть не бывало! Они такие же разрушители державы, как их оппоненты – труженики Агитпропа, народные артисты, публично сжигавшие свои партбилеты, коротичи, евтушенки – имя им легион.

Главным разрушителем Советского Союза объявлен... не Ельцин, нет, не красной Горбачев, не цэрэушный крот Яковлев, не русофобы Ландсбергис и Гамсахурдия – Валентин Григорьевич Распутин! Выдающийся русский писатель, первым предупредивший об опасности деградации и распада страны ещё в середине 80-х (“Пожар”), а в конце рокового десятилетия отложивший писательское перо и включившийся в политическую борьбу за сохранение Державы.

Тут-то его “прихватили” фальсификаторы истории. Распутин, дескать, заявил о необходимости выхода России из СССР. Лживый тезис получил широчайшее распространение. На всевозможных политических тусовках его не без удовольствия мусолят те, кто на деле поспособствовал распаду великого государства. Охотно подпевает пресса. Свежий пример: “Взять хоть 89-й год, когда ВГ взорвал бомбу на Съезде народных депутатов. Он тогда, как все помнят (!), предложил, чтобы Россия вышла из состава Советского Союза” (“Новая газета”, 03.11.2010).

Лгут так напористо, так “густо”, что обыватели убеждены: да, это Распутин разрушил Союз. Выступления, разумеется, не помнят, да и в 89-м мало кто его читал, но это не мешает представлять речь этакой “бомбой”, манифестом русского сепаратизма и декларацией независимости РФ.

Что же, порядка в советские времена, даже накануне крушения страны, было побольше, чем ныне. Текст выступления В. Распутина на I Съезде народных депутатов 1 июня 1989 года застенографирован и опубликован. Придется привести обстоятельную цитату:

“Мы, россияне, с уважением и пониманием относимся к национальным чувствам и проблемам всех без исключения народов и народностей нашей страны. Но мы хотим, чтобы понимали и нас. Шовинизм и слепая гордыня русских – это выдумки тех, кто играет на ваших национальных чувствах, уважаемые братья. Но играет, надо сказать, очень умело. Русофобия распространилась в Прибалтике, Грузии, проникает она и в другие республики, в одни меньше, в другие больше, но заметна почти повсюду. Антисоветские лозунги соединяются с антирусскими... Это не борьба с бюрократическим механизмом, это нечто иное. Здесь, на Съезде, хорошо заметна активность прибалтийских депутатов, парламентским путем добивающихся внесения в Конституцию поправок, которые позволили бы им распрощаться с этой страной. Не мне давать в таких случаях советы. Вы, разумеется, согласно закону и совести, распорядитесь сами своей судьбой. Но **по русской привычке бросать на помощь, я размышляю: а может быть, России выйти из состава Союза, если во всех своих бедах вы обвиняете её и если её слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления** (разрядка моя, выделено мною. – А. К.)... Поверьте, надоело быть козлом отпущения и сносить издевательства и плевки”.

Где здесь призывы к выходу из СССР? Где обличения империи и манифестирование суверенитета? Неужели горькую иронию писателя приняли за политическую декларацию? Умудрившись не заметить при этом прямых нападок на СССР и откровенных сепаратистских заявлений депутатов “национальных республик”. Так же, как вооружённых конфликтов в Средней Азии и Закавказье, двусмысленного ГКЧП и совершенно недвусмысленного Беловежского сговора – ключевых моментов разрушения Союза.

Имейте совесть, махинаторы! Ну, хотя бы остатки её, притулившиеся в дальних запасниках души. Не перекадывайте с больной головы (того же

Ландсбергиса) на здоровую. Не возводите напраслину на замечательного писателя. Он настолько деликатен, что не вступает в спор, не защищается, не приводит своих п о д л и н н ы х слов. Но не нужно думать, будто во всей России не найдётся человека, способного вступить за его доброе имя.

Ведь на что расчёт мерзавцев – на то, что никто не выступит с разоблачениями наветов. Смолчат. Скушают. Сонно поведут отяжелевшей от телевизионного дурмана башкой: “А, Распутин? Возможно. Дыма без огня не бывает...”

И представьте – схема работает! По моим сведениям, я п е р в ы й, кто взялся опровергнуть клевету.

Мне хорошо известен маневр власть имущих и журналистской обслуги: ошельмовать патриотов, уравнивать их с губителями страны. Тех, кто срывает голос на митингах оппозиции, кто вел изнурительную борьбу на идеологическом фронте, кто д е л о м доказал верность народу, чохом записывают в предатели.

Понятно, если не измазать дерьмом на с, то встанет вопрос, что делали в ы в момент, когда определялось будущее Союза. Здесь у фальсификаторов истории надежная поддержка в самых широких обывательских кругах. Ведь они в это время сами не блистали гражданскими добродетелями. Зачитывались “Огоньком”, голосовали за Ельцина, а случалось, так и прямо участвовали в растаскивании государства.

...Насильно мил не будешь! Не собираюсь заискивать ни перед заведомыми лгунами, ни перед трусами из обывательской “группы поддержки”. Но доброе имя – собственное и моих коллег – позорить не позволю. В конце концов это единственное, что у нас есть. Разрушители страны несказанно обогатились в ходе самой грандиозной растащивки в мировой истории. А мы, их противники, прожили жизнь в бедности. “Честной бедности”, как сказал поэт. И этой в ы с т р а д а н н о й честности никому не отдадим.

Подводя итог тридцатилетней работы в журнале, я думал о том, как дать отпор негодяям. Доказывать, какой ты хороший? Пустое дело. Лучшее доказательство – документ. В идеале – это все 148 публикаций под рубрикой “Дневник современника”. Читайте, если найдёте хоть одно уклонение с русского пути, судите без жалости.

Но подобный “следственный эксперимент” вряд ли вдохновил бы читателей, поэтому из всего написанного я выбрал один текст. Во-первых, потому, что он краток. Во-вторых, он не публиковался в “Нашем современнике”. Это предисловие к моей книге “Новые политические мифы”, изданной в 1990 году. В расширенном виде я напечатал его в минском журнале “Политический собеседник” (№ 10, 1990).

Предлагаю его вниманию читателей. Судите сами: на чьей стороне я был. И предупреждал ли о том, что ждёт нас в случае торжества дикого капитализма.

Без иллюзий

“Мы живём, как на оккупированной территории. Нас оскорбляют ежедневно, ежечасно. Мы стараемся не включать радио и телевизор. Силу нам даёт только Родная Земля” – напечатанный в газете “Московский литератор” (13.04.1990) отклик на “Письмо писателей России”. Само “Письмо” пересказывать не стану – это, пожалуй, наиболее значительный общественный документ первой половины года, его нужно читать целиком. Около ста авторитетнейших писателей – среди них Л. Леонов, В. Распутин, В. Белов – впервые так откровенно и отважно сказали о бедах своего народа, об унижении его, об угрозе его существованию. Впоследствии к этому документу (как когда-то к “Хартии-77”) присоединились тысячи литераторов, музыкантов, художников, учёных, рабочих.

Что же произошло в первые месяцы девяностого года? Сотни событий – больших и малых, из которых я выделю три. Потому что они наиболее важны и потому что теснейшим образом связаны между собой.

Первое – беспрецедентная травля русских патриотических сил и всего народа в прессе, на телевидении, на шумных предвыборных митингах. Не случайно люди уже старались не включать телевизор – не было сил слушать по-

ношения россиян – циничные, методически повторяемые, не встречающие никакого отпора, ибо ТВ прочно взяли в руки единомышленники. Самым малым из обвинений было огульное зачисление всей нации в лентяи – таким воззрением на наш народ поделился Л. Абалкин, один из руководителей правительства. Вся эта кампания, все провокации, пущенные в ход, слишком ещё живы в памяти – напоминать не нужно да и тягостно.

Второе событие, прямо связанное с первым, – сокрушительное поражение патриотических сил на выборах в республиканский парламент. Десятки кандидатов – среди них знаменитый скульптор В. Клыков, художник И. Глазунов, поэт Ст. Куняев – проиграли предвыборный бой малоизвестным кандидатам от так называемой “Демократической России”. Тут невозможно говорить даже о выборе – они были отвергнуты не ради своих оппонентов, а именно потому, что являются патриотами России.

Я сам участвовал в этой борьбе и тоже потерпел поражение. Хорошо помню ликование людей, поддерживавших “Дем. Россию”. Но вот прошла неделя-другая, и пьянящий восторг поветрился. Почему? А потому что вслед за победой “демократов” (в Москве, Ленинграде и других крупных городах) были обнародованы идеи экономических советников правительства о стремительном переводе хозяйства на рыночные рельсы с катастрофическим ростом цен и перспективой многомиллионной безработицы.

И здесь связь с предыдущими событиями железная. “Прокатив” патриотов, москвичи, ленинградцы, миллионы жителей других городов избрали парламент, целиком стоящий на позициях рынка. Нет, конечно, среди рабочих, прошедших по дальним округам коренной России и Сибири, многие понимают – зачастую инстинктивно, – к каким последствиям приведёт невинно названная акция по “приватизации собственности”. Понимают и готовы сопротивляться. Но для этого нужна групповая спайка, свои идеологи, собственные органы информации. А откуда они у шахтёра из Кемерово или у рыбака с Сахалина?

В краткий промежуток с конца марта, когда определился расклад сил в парламенте, до начала апреля изумленное общество увидело, что по ключевому вопросу – о собственности – между правительством, по традиции состоящим из коммунистов, и “демократической” оппозицией нет принципиальных противоречий. Спор сразу же – ещё до первой сессии – пошел за места в руководящих органах. Но по главному вопросу – полное единство. Правительство – за рынок. И оппозиция – за него.

Блистательный финал пятилетней борьбы за плюрализм.

Впрочем, по-другому и быть не могло. Эта борьба, умело направляемая сверху, мудро опекаемая средствами массовой информации – а они, как всегда, находятся в руках работников проверенных, кадровых, – с самого начала вела от единогласия соцобразца к единогласию “рыночному”.

Но большинство людей осознало это только на рубеже апреля девяностого года. Тогда же начали появляться материалы, уточняющие и конкретизирующие экзотическое для нас понятие “рынок”. Один из первых – интервью со шведским экономистом А. Ослундом (“Правда”. 05.04.1990). Редакционная вводка настраивает на возвышенный лад: “...Директор Стокгольмского института экономики Советского Союза и стран Восточной Европы... Его книга “Борьба Горбачева за экономические реформы” стала бестселлером во многих странах”.

Доктор Ослунд оправдал рекомендации – впервые широкий советский читатель был поставлен лицом к лицу с реальностью, уготованной ему экономистами. Зарубежными советчиками и советскими специалистами – в интервью называются имена Л. Абалкина, А. Аганбегяна и первого заместителя председателя Госплана Леонарда Вида. Вот они, пофамильно, вершители наших судеб.

Как же они собирались их вершить? Методом “шоковой терапии” – разъясняет Ослунд. В пример он приводит Польшу: “В этой стране происходит самый впечатляющий экономический эксперимент последних десятилетий”. Восторги Ослунда как-то невзначай напомнили, что предыдущий “самый впечатляющий эксперимент” проводился в нашей стране. И экспериментаторы так же следовали из Стокгольма...

Но читателю таких материалов, как интервью в “Правде”, некогда отвлекаться на исторические ассоциации. Слишком высока цена слова на этих по-

прежнему директивных страницах. В ответ на фразу корреспондента о ситуации в Польше (“С декабря 1988 года по декабрь 1989 года цены на продовольствие выросли там на 978%”) шведский экономист спокойно заметил: “Могут добавить ещё одну цифру – 55 тысяч безработных и многое другое”. И далее ключевая фраза, которую следовало бы выбить золотом на триумфальной арке на дороге в капитализм: “Между прочим, никто и не говорил, что переход к рынку будет простым и безболезненным. Отнюдь нет!” Произнеся этот своеобразный парафраз знаменитого: “Оставь надежду, всяк сюда входящий”, гость газеты с бестрепетностью истинного учёного добавил: “Конечно, у вас в стране многие десятки миллионов людей с таким низким уровнем жизни, что некомпенсированный подъём цен они просто не переживут”. Четко и ясно, как и всегда, когда дело делают “по науке” – многие миллионы не переживут. Учёный не должен поддаваться сантиментам, тем более что миллионы не относятся к числу его сограждан.

Вот что выяснилось сразу же после выборов. Вот почему энтузиазма у голосовавших за “демократов” поубавилось. Ведь считанные доли процента от их общего числа принадлежат к тому слою людей, которому нынешний парламент готов поднести заводы, земли, магазины. Миллионеров немного даже среди сторонников “демократов”. Большинство поддержавших движение – это представители инженерно-технической интеллигенции. Нищенская зарплата озлобила их, родовая мета – беспокойный дух – выдвинул в первые ряды манифестантов, активистов предвыборных команд. После победы их лидеров, вознесённых к вершинам власти их собственными руками, эти люди вынуждены были всерьёз задуматься, не входят ли и они в число тех самых многих миллионов, обречённых “не пережить” экономическую “операцию без анестезии”.

Правда, тот же Ослунд весьма гуманно говорит о дотациях определённым группам населения. Однако отечественные экономисты, лучше знающие положение дел, сразу же пояснили: дотации не покроют издержек. Если итээровские сторонники адвокатов новой буржуазии будут достаточно мужественны, чтобы сказать себе полную правду, им придётся признать, что они являются и первыми кандидатами в ряды советских безработных. А число их в ближайший год, по подсчётам американских экономистов, может приблизиться к сорока миллионам. Кого будут увольнять в первую очередь – рабочих, как мстительно мечтали многие итээровские “демократы”? Это при нашем-то немеханизованном и неавтоматизированном производстве? Погонят непомерно разбухшие КБ, исследовательские группы, лаборатории. Всю лужниковскую – а в последнее время и манежную – массовку.

Конечно, и тут не обходится без подслащённых заверений, без демонстрации гуманизма и благотворительности. Безработным, мол, помогут пере-квалифицироваться – в стране 10 млн незанятых рабочих мест. Извините, кандидату наук из Москвы пере-квалифицироваться в газосварщики на безлюдных просторах Сибири (в Москве все должности, кроме дворницкой, заняты)? Говорят и о пособиях. Между прочим, прикидывают размер – выходит половина от нижнего предела пенсии. 35 рублей! Думаю, парламент великодушно решит не облагать эту сумму налогом.

В том-то и дело, что прикинуть, задуматься не дают. По телевидению, в газетах – интервью сторонников капитализации страны. Призывают “зжмуриться и прыгнуть в неизвестность” (“Правда”, 16.04.1990). Подзадоривают смело идти по польскому пути (П. Бунич). Ругают закон о собственности, потому что он “запрещает так называемую эксплуатацию, его надо доработывать” (С. Шаталин – “Литературная газета”, № 18, 1990). Витийствуют не только напористо, но и лукаво. В газете “Известия” с её всенародной аудиторией Шаталин демократично призывает исключить “наиболее высокооплачиваемые слои населения из программы компенсации” (“Известия”, 21.04.1990), а спустя всего 9 дней он же в более элитарной “Литгазете” заботливо ограждает от посягательств “оправданный разрыв в доходах, который следует поощрять” (“Литературная газета”, № 18, 1990).

Подталкивают к “прыжку” призывами, а главное – широким жестом в сторону пустых полок: вы хотите, чтобы так было всегда? Жаль, не пишут, почему полки пусты – ведь фабрики пылят день и ночь, да и колхозы, как ни задавлены они, всё-таки не в послевоенной разрухе. А делается это так – пробил-ся-таки материал на страницы газеты – страна задыхается без картофеля, це-

ны взвинчены (полтора рубля за килограмм), а производители из Латвии мечутся по Союзу и никакому торгу не могут сбыть излишки картофеля (“Правда”, 25.04.1990). Так было и с сигаретами, и с сахаром, и прочим “дефицитом”. Жест фокусника — спрятал в один карман, вынул из другого, но с иным ценником: не хочешь, а всё равно заплатишь, картошка — основа российского рациона.

Но специалисты способны оправдать и не такие “фокусы”. Они готовы отмыть и восстановить аферу с АНТом, которая, если её дадут когда-нибудь расследовать до конца, бесспорно, станет аферой века. Растерявшись после первых разоблачений, адвокаты теневой экономики вскоре перешли в яростное контрнаступление. “Будем работать или чувствовать” — так озаглавлены “полемические заметки об АНТе, и не только о нём” (“Литературная газета”, № 17, 1990). Под статью развязно агрессивному заголовку и вся статья. На документально подтверждённые обвинения в расхищении народного добра журналист А. Борин отвечает: так ведь сколько теряем впустую! Как будто альтернативой потерям от бесхозяйственности непременно должны быть уголовные махинации! Впрочем, о логике, да и о чести в связи с этим материалом (вполне характерным) говорить не приходится. “Многие “стратегические” грузы, остановленные у границы, как выяснилось, не нужны ни одному советскому предприятию”, — с таким пафосом обрушивается “Литературная газета” на недругов АНТа. К счастью, статьи в “Советской России” — единственной крупной газете, последовательно вскрывающей это скандальное дело, — дают возможность узнать, что же это за “ненужные” грузы — алмазы, валюта, золото.

Афера АНТа стала пробным камнем — раз уж и так ое можно не только стыдливо замаять, но восторженно оправдать, значит, всё позволено. Это дело чрезвычайно интересно и тем, что выявило экономическую основу у того шокирующего союза власти и оппозиции, о котором я говорил. Министры и замминистры, разведки соцстран, авантюристы из третьего мира, “капиталистические акулы” Запада, депутат Собчак и другие “народные избранники” из “демократов”, журналисты “Литературной газеты”, “Советской культуры” и “Коммерсанта” — вот далеко не полный (получим ли когда-нибудь полный?) список лиц из хоровода, бешено врачающегося вокруг аферы века.

И вся эта многоликая масса, вся эта грозная политико-экономическая сила, как тараном, бьёт в проржавевшие двери официально декларированного социализма. Правда, в мае после поездки Президента в Свердловск, где он мог, так сказать, кожей почувствовать температуру социальных страстей, кампания шокотерапии сбавила обороты. Тот же Шаталин вынужден признать: “Если просто взять и объявить “шоковую терапию”, нас завтра же сметут...” Примерно в том же духе в газете “Рабочая трибуна” высказался и экономический советник Президента член-корр Петраков. Но вслушайтесь в аргументы! Ни слова о народе, о том, переживёт ли он жестокие нововведения. Одна мысль — переживём ли мы: не “сметут” ли?

Правительственная программа подверглась острой критике, в том числе и в российском парламенте. Но вдумайтесь — за что критикуют. За попытку оставить хоть какой-то контроль над ценами. Не забота о человеке труда (какими бы “жалостливыми” фразами ни прикрывались ораторы), а забота о праве обогащаться бесконтрольно — вот что стоит за речами критиков программы.

Спорят и о тактике — надо ли было заранее объявлять о росте цен, сопутствующем введению рыночных отношений. Правительство предпочло действовать откровенно (о резонах ещё будет сказано), “демократы” считают, что о ценах разумнее было бы промолчать. В конце концов они сами неизбежно рванутся вверх, но, во-первых, дело будет сделано и запоздалые протесты ничего не смогут изменить, во-вторых, экономисты объяснят, что дороговизна — это, мол, не результат чьей-то злой воли, а проявление “объективных” законов...

Впрочем, правительство равнодушно к критике как справа, так и слева. Л. Абалкин в интервью “Правде” (04.06.1990) приоткрыл смысл беспрецедентного решения объявить о повышении цен за полгода. Во-первых, все выговорятся задолго до этого срока и возможность социального взрыва будет сведена к нулю. Во-вторых, люди устанут жить в условиях дикого дефицита, подогретого декларацией о повышении цен. Помучаемся, побьёмся, а там и скажем — да пусть повышают цены, только чтобы товары были. Пусть рынок, пусть хоть как в Польше.

А как в Польше?

В той же “Правде”, активно зовущей нас — устами экономистов — на польский путь, помещена любопытная корреспонденция из Варшавы (21.05.1990). Уровень производства в стране упал в среднем на треть, “потребление мяса, масла, молока, хлеба, сахара и других основных продуктов питания в Польше снизилось за последние месяцы на 25–30, а то и 40 процентов из-за дороговизны”. Число безработных “приблизилось к 400 тысячам” (ещё 5 апреля “Правда” писала о 55 тысячах безработных — значит, за полтора месяца их число увеличилось в 8 раз! — поистине рекордные темпы). Кстати, о зачинателях движения — для памяти нашим активистам, — хуже всех приходится судоверфи в Гданьске (она под угрозой закрытия) и тракторному заводу “Урсус” в Варшаве (крестьяне не могут покупать тракторы по нынешним ценам). Вспомним, эти предприятия с конца семидесятых стали рассадниками идей “Солидарности”...

Л. Бальцерович (коллега нашего Л. Абалкина) цинично похваляется: “Мы перешли от ситуации всеобщего дефицита к состоянию, когда трудно уже продавать”. Наши экономисты с восторгом подхватывают эти слова. А ведь трудно продавать по одной-единственной причине — у населения нет таких денег.

Зарубежные наблюдатели отметили особенность польского пути, “его крайнюю степень жёсткости”. И здесь проявилось, пусть в извращенной форме, сознание, рождённое командно-административной системой: людей не жалеть, был бы результат! Догоним и перегоним — только в абсурдном беге вспять по исторической арене (для сравнения, в Японии с конца войны до последнего времени цены на самые важные потребительские товары находились под жёстким контролем со стороны государства, даже сегодня — в пору изобилия — цена на рис, основной продукт в меню японской нации, контролируется).

Метод “шоковой терапии” (цинично декларируемый вначале и “гуманно” закамуфлированный теперь) искажает человеческие основы экономики. Его цель — рывком переложить всю тяжесть перемен на плечи простого народа. Больше того — терроризировать народ, породить атмосферу ужаса, “пустить судорогу”, как говаривал герой “Бесов” Достоевского. Напуганный народ до годы вперед должен стать покладистым и сговорчивым. Он должен принять то, что ни один народ в нормальной ситуации не примет. Польский специалист профессор С. Чайка заявил, что в “настоящее время под угрозой оказались основы биологического существования польского народа” (“Литературная Россия”, № 18, 1990).

В исторической памяти русской нации есть схожие моменты — голод, инспирированный коллективизацией. Тогда народ тоже лечили шоком, и он, подавленный ужасами карательных акций, соглашался безропотно вымирать. Сколько миллионов унесла та “жатва скорби”? Новая — предупреждают экономисты, не ангажированные миллионерами от мафии, — унесёт не меньше. “... Нам придётся заплатить цену не меньше той, которую мы уже заплатили в прошлом” (“Советская Россия”, 12.05.1990). Неужели то, что не удалось сделать путём прямого террора, удастся достичь террором экономическим, замаскированным под проявление законов свободного рынка?

У “оптимистов” — а это ампула, кажется, стало второй профессией “прорабов перестройки” — такие прогнозы вызывают беспечный смех. Так почему бы не подсчитать все потери и все обретения общества? Заметьте, народ толкают к рынку (и дальше, напрямиком к капитализму), закрыв ему глаза — ни одной цифры расчётов профессионалы не приводят. Правда, нет-нет да и проскользнет выразительное словцо. Например, признания знаменитого Дж. Гэлбрейта: “Те, кто говорит... о возвращении к свободному рынку времен Смита, не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера” (как же в таком случае охарактеризовать экономические рубрики наших центральных газет?).

Приведенная цитата — из статьи член-корра С. Алексеева в “Правде”. Но и эта статья начисто лишена цифр. И заканчивается бесподобно — высмеивая тех, кто призывает сохранять осторожность на виражах реформы, автор побивает их фразой: “А это значит, что важное дело застопорится, не будет никакого продвижения к разгосударствлению монопольной собственности” (“Правда”, 19.05.1990). Козырная карта советской печати на протяжении более семидесяти лет — главное — движение: вперёд, вперёд! “Зажмуриться и прыгнуть”, а там будь что будет. Почему бы и нет, если жмурятся член-корры, а кровавые шишки набивает простой народ.

Сегодня люди ещё верят таким заклинаниям. В новинку то, что зовут прыгать не вперёд, к коммунизму, а назад, к капитализму. На выборах многие отдали должное хлестким лозунгам. Пример Польши и здесь поучителен: надо будет, верховоды откажутся от самых звучных лозунгов, провозглашённых вчера. Лех Валенса уже заявил полякам: “Я не могу отвечать за правительство, которое избрали вы сами”. Цинизм, похоже, не имеет предела – ведь Бальцерович и его команда оказались в правительстве только благодаря деятельной поддержке Леха Валенсы.

Весенняя лихорадка избавила народ от иллюзий. Надеюсь, навсегда. На краю пропасти слишком опасно поддаваться призывам крепко зажмуриться.

Выше голову, русские!

Публикую текст двадцатилетней давности, я не вычеркнул ни одного слова, не изменил ни одной констатации или прогноза. Даже ошибочного, как выяснилось позднее, утверждения, что в России, ринувшейся в рынок, безработица вырастет до 40 миллионов. К счастью, этого не произошло. Но не благодаря усилиям правительства. Это “красные директора”, договорившись между собою, перешли к невиданному в новейшей истории н а т у р а л ь н о м у о б м е н у. Чем, хотя бы на время, спасли свои предприятия, экономику в целом, страну.

Остальные прогнозы сбылись. Мне нет нужды подправлять написанное в 90-м году, абзацами выбрасывая то, что сегодня можно расценить как вольный или невольный обман читателя. Я избавлен от необходимости переписывать и более ранние статьи, стыдливо убирая цитаты из классиков марксизма-ленинизма. Их у меня отродясь не бывало! В этом мое отличие от А. Ципко и прочих “прорабов перестройки”, полжизни проработавших в ЦК, а вторую половину угробивших на то, чтобы с цековским наследием бороться.

В 1987 году, когда Викулов назначил меня заместителем, я был единственным куратором “идеологического блока” в московском журнале, не являющимся членом КПСС. Я боролся за сохранение державы не по приказу сверху, а потому что без неё не мыслил своей жизни. Но и тогда, когда на Старой площади затрубили отбой, сдав страну либеральной шантрапе и повывлезавшему из подполья криминалу, я не покинул позиций, не изменил взглядов.

Быть может, самостоятельность позволила мне говорить посвободнее и видеть подальше многих коллег. В предисловии к моей книге “Россия над бездной” (М., 1996) Вадим Кожин особенно выделил в статьях “Дневника” точность прогнозов, способность к предвидению.

Вадим Валерианович писал: “Перечитывая одну за другой его многочисленные работы, опубликованные в журнале “Наш современник”... я увидел, как в них проявляется то, что можно назвать историческим предвидением. Качество, чрезвычайно редко встречающееся даже в работах самых серьёзных публицистов”.

Кожин приволил в пример публикации 1991 и 1993 года: “В августовском номере журнала за 1991 год (для незнакомых со спецификой производства журнала подчеркну – номер тогда сдавался в набор за несколько месяцев до выхода, в частности, этот был сдан в июне), проанализировав итоги президентских выборов, на которых, как известно, большинство голосов получил Б. Н. Ельцин, А. Казинцев задавал вопрос: “Так что же дальше? “Сильная рука”? Вероятно. Но чья? Сам ли Борис Николаевич снимет белые “демократические” перчатки и, вспомнив обкомовское прошлое, стукнет кулаком по столу? Или же это будет командирская длань какого-нибудь генерала?” В конце августа мы получили ответ на этот вопрос. Но в июне он вряд ли кому приходил в голову. Ельцин многим представлялся тогда “розовым” либералом, окружённым прекраснородушной интеллигенцией. И лишь несколько месяцев (а в иных случаях и несколько лет) спустя люди поняли, что белые “демократические” перчатки были натянуты им для блезира”.

Продолжу цитату: “Ещё одно удивительно точно сбывшееся пророчество – в майском номере “Нашего современника” за 1993 год с исчерпывающим знанием воссоздавая перипетии Смутного времени, рассказывая о предательстве властей предержавших, о провокациях иностранных оккупантов, спровоцировавших кровавую бойню в Москве, Александр Казинцев предупреж-

дал: “Внимание — он (исторический конспект. — В. К.) может оказаться прочтением о нашем ближайшем будущем”. Ещё более определённо об этом неотвратимо приближавшемся будущем — залитом кровью октябре 1993 года Александр Казинцев писал накануне событий в сентябрьском номере (сдан в набор в июле) “Нашего современника”: “От нас ждут действия. Провоцируют на стихийный протест... Как будто некий график требует жертв уже с е г о д н я... Мировая закулиса крайне заинтересована в том, чтобы... использовать энергию русского народа для его саморазрушения... Ясно одно: самое глупое из того, что мы можем сделать, — это стать добровольными, “благонамеренными” помощниками наших убийц”.

Со своей стороны мог бы добавить ещё несколько примеров к тем, что привёл Вадим Валерианович. Признаюсь, я горжусь статьёй “Васильевский спуск”, опубликованной в январском номере за 1993 год. процитирую несколько абзацев:

“... Он начинается сразу за резными галереями Покровского собора, известного москвичам под именем “Василия Блаженного”, за строгим силуэтом Спасской башни. Отрезок булыжной мостовой в несколько десятков метров. Васильевский спуск...”

... 10 декабря 1992 года спуск наглухо перекрыли переносными металлическим ограждениями. За ними — цепочки милиционеров. Ничейная полоса — посредине. Влекущая, как магнит, пустота будущего поля боя. Людские толпы за барьерами. Красные флаги с одной стороны, правительственный триколор — с другой. “Ель-цин, Ель-цин” — надрываются динамики от собора; “До-лой! До-лой!” — хриплыми, застуженными голосами отзывается Васильевский спуск.

Тот, кто любопытствует заглянуть в будущее, должен был побывать здесь. Васильевский спуск — зримая метафора гражданской войны. Пока только метафора”.

В конце мятежного десятилетия я предупреждал о последствиях возможного избрания В. Путина на высший государственный пост. Проблему я обозначил на конкретном примере: жители рабочего посёлка Советский под Выборгом в конце 1999 года отдали свои голоса только что созданной партии “Единство”, сформированной специально под Путина. Драматическая парадоксальность этого волеизъявления заключалась в том, что незадолго перед тем отряд спецназа расстрелял в Советском митинг рабочих знаменитого Выборгского ЦБК, не пустивших на комбинат нового хозяина Сабадаша. Я писал:

“Избирателям Советского и миллионам других людей, увидевших в Путине человека, способного вернуть государству центральное место в жизни страны, в том числе и в экономике, следовало бы знать, что нашептывают ему Чубайс и прочие пестуны и наставники из-за кремлёвских кулис: “Путин о б я з а н (выделено мною. — А. К.) будет быть реформатором... Исполнительной власти надо уходить оттуда, где она не нужна или мешает — уменьшить, например, масштабы своего прямого воздействия на экономику (она всё ещё пытается это делать), — и концентрироваться там, где присутствие власти необходимо”. Где же? Чубайс будто об истории в Советском (там суд выступил против рабочих. — А. К.) говорит: “... Концентрация всей мощи государства на реализации решений судебной власти. То есть общество — и физические, и юридические лица — должно наконец понять, что решение суда — это серьёзно. Без этого никуда... Для того, чтобы этого добиться, и нужна сильная власть”.

Парадокс “сильной руки”, пока ещё не осмысленный обществом: рабочие ЦБК (и разве только они?) проголосовали за Путина, чтобы он защитил их права, в том числе и от спорного решения суда, отдавшего комбинат в руки Сабадаша, и — шире — от несправедливого раздела собственности, а властная элита стремится воспользоваться народным выбором, чтобы лишить рабочих последних прав и узаконить концентрацию собственности в руках людей, подобных водочному королю.

Что если Путин и здесь уступит элите? **Не случится ли так, что советские люди (воспользуюсь названием посёлка как предельно емким символом) вместо чаемых благ получат спецназовскую дубинку как воплощение государственного внимания к ним?**

Наш народ любит эксперименты. Отдавая симпатии и голоса человеку, чья позиция им неизвестна, не проверена на деле — десятках серьёзных дел,

российские избиратели ставят – на себе! – самый рискованный эксперимент с 1991 года”.

Напечатано в мартовском номере “Нашего современника” за 2000 год. Голосование, сделавшее Путина президентом, ещё не состоялось. Можно было хорошенько обдумать выбор, взвесить все “за” и “против”.

Куда!..

О национальном вопросе, оглушительно взорвавшемся на исходе минувшего года в столице, я говорю уже по крайней мере 15 лет. Начиная со статьи “Чечня” (“Наш современник”, № 4, 5, 1995), написанной по следам первой поездки в только что освобождённый Грозный. В 2002-м после трагедии “Норд-оста” и убийства чеченцами русского подростка Кости Блохина в Угличе я писал: “А теперь спросим (после всего перечисленного выше, я думаю, пора спросить): **кого защищает государство российское в многочисленных межнациональных конфликтах, которые росчерком министерской авторучки не отменить? Или по-другому спрошу: кто защитит от террористов москвичей? Кто защитит древний Углич от демонстративной карательной экспедиции чеченцев? Кто защитит подмосковный наукоград Красноармейск, жители которого мечтают о возвращении прежних времён, когда город был закрыт и люди могли выйти на улицу и посидеть в кафе, не рискуя напоротью на нож горячего южного парня? Кто поможет жителям пятимиллионного Краснодарского края, куда перебрался миллион мигрантов? Кто поможет казачкам, за копейки батрачащим на новых латифундистов с Кавказа, о чём недавно с горечью говорил атаман Козицын? Кто вернёт к нормальной жизни 400 тысяч русских, выданных из Чечни при Дудаеве и Масхадове? Вот бы они вспомнил глава ФМС, рассуждая о том, что России нужен миллион новых рабочих рук ежегодно, – можно ведь пригласить в Москву не джигитов из горных аулов, а русских страдальцев из “маленькой, но гордой” кавказской республики. Кто – спрашиваю я – защитит всех этих людей? Русскую Россию, нуждающуюся в защите” (“Наш современник”, № 12, 2002).**

В начале года минувшего, потеряв уже всякую надежду на власть, я призывал общество сплотиться перед такими вызовами, как убийство православного священника о. Даниила (Сисоева) и подрыв кавказцами “Невского экспресса”: “... Если даже такие события не способны не то что мобилизовать общество, но хотя бы заставить его поверить в случившееся, то какая судьба это общество ждёт? Пора бы очнуться! Или оно уже и глаза протереть не в состоянии?”

– Так чего же вы хотите? Погрома? – завопят провокаторы, и штатные и добровольные.

Не погрома. Но мобилизации общества перед лицом жестоких вызовов. Произошедшие трагедии (и если бы только они – печальный список можно длить) должны вывести русских из состояния анабиоза” (“Наш современник”, № 2, 2010).

Беда не в том, что мы не говорили. Беда в том, что нас не слушали.

Почему? В борьбе за саму власть и за её программу у либералов было неоспоримое преимущество: за ними стояли административный ресурс и большие деньги. Возвышение Ельцина (так же, как затем Путина) лоббировали государственные телеканалы и большинство газет. Кадры “инженеров человеческих душ” твердой рукой расставлял сначала Александр Яковлев, а затем и сам Борис Николаевич. Накатывал пропагандистский вал. Что могли противопоставить ему журнал “Наш современник” и немногочисленные патриотические газеты?

Во-вторых, отлично сработали политтехнологи, которых активно консультировали западные специалисты (не забудем и о Западе – он сыграл свою роль). В 91-м стране предложили образцового “разрушителя”. Даже пьяные выходки не вредили имиджу Ельцина. Разрушитель и должен быть таким: не для тонкой работы его звали во власть! В 2000-м, когда общество смертельно устало от “царя Бориса”, отыскался столь же образцовый “создатель”. Недавно я писал о том, как кропотливо (на основании закрытых соцопросов) создавали образ Путина (“Наш современник”, № 11, 2010).

Сказалась и радикализация общества на рубеже девяностых. Как показывает история России, она сопутствует кардинальным переменам во власти. Что могли предложить патриоты в 91-м? Сохранение страны (а значит, и сохранение сросшегося с ней строя) при постепенной эволюции политического и хозяйственного укладов. А Ельцин сразу рубанул: уничтожение КПСС и всего, что либеральные пропагандисты ловко увязали с её правлением: “привилегий”, “дефицита” и т. д. и т. п. – вплоть до социалистического строя и самого СССР.

Мы срывали голоса, говоря о губительных последствиях либеральных реформ, а наши оппоненты “глушили” эти речи одним-единственным тезисом: “А, это коммуняки не хотят отдавать своих привилегий!” И толпа активно поддерживала их.

Конечно, группы поддержки были и у нас. Но в “войне митингов” перевес был на стороне либералов. Митинги патриотов на Манежной, где довелось выступать и мне, собирали 10–15 тысяч человек. Странники Ельцина выводили на ту же площадь до 100 тысяч.

Дело не в наших просчётах (хотя они были) и не в особой ловкости противника. Тут обозначилась закономерность политического развития: то же происходило и во время Смуты 1917 года. О стремительной радикализации общества можно судить по изменению состава Временного правительства. В феврале его возглавил князь Львов, беспартийный деятель земского движения, аристократ, ведущий родословную от Рюриковичей. “Нас было 11 в этом правительстве, – вспоминал А. Керенский, – из них 10 принадлежали к либералам и умеренно-консервативным партиям. Я был единственным социалистом” (Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993). Три месяца спустя – уже 6 социалистов. В следующем месяце правительство возглавил социалист (Керенский), а в начале осени встал вопрос о формировании “социалистического правительства” без участия буржуазных партий (там же). Большевикам оставалось только воспользоваться результатами этого стихийного развития.

Кстати, аналитики начала XX века предсказывали возникновение подобной ситуации, которая сопровождалась бы “полным и окончательным разгромом партий правых и постепенным поглощением партий промежуточных: центра, либеральных консервативных, октябристов и прогрессистов партией кадетов, которая поначалу и получила бы решающее значение. Но и кадетам грозила бы та же участь”. Они “оказались бы вытесненными и разбитыми своими же друзьями слева... А затем... Затем выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии...” (цит. по: Блок А. Последние дни императорской власти. Минск, 1991).

Между прочим, процитированная записка была составлена в 1916 году и передана Николаю II. До революции оставался год, ещё можно было попытаться что-то изменить. Но кто же в России слушает аналитиков? Тем более патриотических...

Ни элиты, ни общество не обратили внимание на предупреждения. Так же, как до этого игнорировали предвидения Н. Данилевского, К. Леонтьева, М. Меньшикова, авторов “Вех”, И. Ильина.

Впрочем, это тема отдельного разговора. Вернёмся к нашим баранам: в 1991-м нас не слушали. Теперь не слушают, кажется, никого.

И всё же напоследок я хочу обратиться к читателям. Ко всем, кто на протяжении двадцати, тридцати и более лет искал в “Нашем современнике” ответы на свои опасения, сверял со словом журнала свои надежды. Повторю сказанное в статье “Кладбище лидеров, или Прокрустово ложе стабилизации” (“Наш современник”, № 2, 1996):

“Я помню первые митинги протеста – их организовывали совместно все противники нынешнего режима. Я помню, как смыкались ряды под разноцветьем знамён, когда раздавались звуки “Священной войны”, этого гимна русского сопротивления:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой.*

Где теперь патриоты – неперемненные участники тех манифестаций, самоотверженные помощники организаторов? Накануне Нового года я обзвонил

активистов патриотического движения во многих городах. Поздравлял с праздником, а настроение было не праздничное. Всюду — нотки обречённости, горечь, жалобы на отсутствие единства, грызню местных маленьких “вождей”, апатию рядовых участников движения.

Нетрудно понять — каток “реформ” в первую очередь прокатился по патриотам. По инженерам, учителям, литераторам. Их обобрали, затаскали по судам (в “демократические” времена из “политических” судят одних патриотов), деморализовали. И очень может быть, что мы медленно сгинем поодиночке.

Но возможно и чудо. Чудо преображения общества — обретение того единства, о котором грезилось во время первых митингов оппозиции. Возвышающегося над эгоизмом людей, социальных групп, политических сил.

Я говорю вам — рассеянным по городам, гибнущим поодиночке патриотам: выше голову, русские, мы ещё пригодимся России.

Я говорю вам — московским оппозиционерам, вождям партий: без патриотов, без патриотизма вам не поднять страну.

Я говорю мертвым — мы не дадим раздавить себя. Мы будем биться за Россию в одних рядах с вами — ратниками Ледовой битвы, воинами Великой Отечественной, защитниками Дома Советов.

Я повторяю — вместе с хором, гремящим в морозной мгле:

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война”.*

**В издательстве “Наш современник” вышла книга
АЛЕКСАНДРА КАЗИНЦЕВА “ВОЗВРАЩЕНИЕ МАСС”**

Книга состоит из четырёх частей, посвящённых массовым движениям Европы и мусульманского мира, новым моделям народовластия в Латинской Америке, протестным движениям в России. Автор использует огромное количество фактических данных и материалов, многие из которых недоступны широкой публике.

Издание можно приобрести в редакции журнала или заказать по почте. Цена в редакции — 100 руб., с пересылкой — 160 руб. Для оформления почтовой доставки деньги следует перевести на адрес редакции: 127994, Москва, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2. Редакция журнала “Наш современник”. Казинцеву А. И.